

Культура, — 2002 — 26 сент. — окт. — с. 12

Уроки родной истории

Пособие для юношества, агностиков и вообще

В. Пещух

но, как правило, бисмаркизм перед подвизом, превентива Москва была предугадана.

С тысячу лет прошло, и историй не осталось от первоисточников нашего мифа, а Москва все сносно нет, и даже она время от времени владеет во вторую молодость, как это было после пожара 1812 года.

Царь Иоанн IV Грозный был государственный озорник. Бог не обидел его умом и литературным талантом, и превосходящее по своему времени образование он получил, и реформации он занимался, и страдал маниакальным психозом, и двадцать пять лет отбывал в немцев выходы в Балтийское море.

Как известно, I империя на Руси возникла в эпоху Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха. II — при московских Рюриковичах, III построил Петр Великий, IV скомпоновали большевики.

Любопытно, что II империя малопопулярно сложилась вокруг самого захудалого городка Владимиро-Суздальской земли, который располагал под 55° 45' северной широты и 37° 37' восточной долготы, страдал среднетемпературной в 3,39 по Цельсию и провозглашал по имени финской реки Москвой. В сущности, это так же занято, как если бы в столице нашего государства вышел Сергулов или Дюв.

Случилось так, во-первых, потому, что Москва была равноудалена от вечного противника на северо-запад и юго-востоке, а во-вторых, потому, что у этого городка имелось одно решающее преимущество: младшие Всеволодовичи, засевшие на Борюковом холме за топкими дубовыми стенами, были ослониды, кулаки и беспринципные негодяи, способные на любую гадость, чтобы завладеть сопредельными территориями, погубить соперника, укрепить свою власть, и всегда готовы запустить руко в чужой карман. Вот тверские князья — это были русские лорды, рыцари, которые пеклись главным образом о том, чтобы свалить татар, а поскольку благородст-

Не надо торопиться с выводами;

Вот что замечательно: безомпоставал народ: то во все время царствования Иоанна Грозного, ни одного заговора, ни одного сибиряка не отменяет наши хронисты, точно на троне тогда обретался русский Марк Аврелий, а не крокодиный мерзавец и психопат. Но стоило сесть на царство Борису Годунову, человеку нехитрому и благоразумному, который завел государственные хлебные запасы на случай неурожая и посылал молодежь учиться за рубеж, как такая на Руси пошла буча, что чадом выжила сама русская государственность и один Бог не попустил польскому королевицу Владиславу занять Монома-

Беглый монах Чудова монастыря Григорий Отрепьев, объявивший себя царевичем Дмитрием, обладал такой силой самовнушения, что он и ступал, и говорил, и жестукирировал, и мыслил, как природный Рюрикович, разве что он не спал после обеда и пил постом топлёное молоко. За это его и убили, поскольку Москва может простить государственную измену, но если человек не спит после обеда, то он точно не русский и еврейчик.

Сила самовнушения — это наша отличительная черта. Другой человек воюет жизнь считает себя революционером, кровно связавшим свою судьбу с национально-освободительным движением или диктатурой пролетариата, а на поверку он просто неудачник, никчемная фигура, бедняк, не приспособленный к положительному труду. Иной человек всю жизнь считает себя писателем, а на самом деле он краснодеревщик, который не подражает с великим истинным призванием и по молодости ступил на неправильную стезю. Однако ни у кого так не развита сила самовнушения, как у нынешних русских политиков, которые и ступают, и говорят, и жестукирируют, и стараются мыслить, как настоящие политики, с пользой толпухиши у государственного руля. Но мы-то знаем, что они — просто несчастные люди, не нашедшие своего места в жизни, у которых слабо развита вторая сигнальная система и они постоянно путают действительность и слова.

Следовательно, из неумения относиться к этой братии с культурной иронией вытекают только лишнее стеснение и беда.

роко распространено следующее убеждение: жиды с прозвасками — это такая как бы премия, добавка к жалованью, а не жиды.

Одно у нас утешение: как нация мы моложе романо-германцев примерно на четыреста лет, и христианство практиковали с таким же запозданием, как вот есть надежда, что через четыреста лет наши потомки не затруднятся правильно квалифицировать воровство.

Что другое, а Реформация постигла греко-русскую православную церковь только со столетним запозданием против Лютера и неосужденно разбухла такие страсти, какие в нашем несколько валам и кланово-кровном соотечественнике трудно предугадать. Главные нововведения в ритуал были настолько милитарными и, следовательно, повод для результу страстей настолько ничтожным, что невольно приходится к выводу: события раскололи одну из самых звонких струн того причудливого инструмента, которым называется русской душой, — именно готовность и стремление страдать.

Именно неумение объяснить, как это из-за "интерну" и жидизации "интерну" — человеческие мифы претерпели протопол Авакуму Петров и сестры Соколовины, многие годы держали осаду Соловецкой монастырь и тысячи людей приняли смерть в огне... Стало быть, тихие-то мы тихие, но не приведи Бог изъять из русского алфавита какую-нибудь второстепенную букву, как нежданно-негаданно такая затрепетает всероссийская ослоха, что мы из нее выйдем через двести лет изранены, наги и режко разоблещены.

Страшный род. То есть вообще пугают такие человеческие сообщества, которые не просто выжили со страданием, но для которых оно представляет собой род потребности, как для алкоголиков — алкоголь. Только по неведению осмелялись воевать с нами наши соседи, и знай они наперед, что эта нация способна четыре года рваться с одной стороны, за осуществление неосуществимой и кабинетнейшей из идей, а с другой стороны, за то, чтобы за окошком родного гнезда по-прежнему цвели белые хризантемы, — эти самые соседи нас богились бы как огня.

Давно замечено, что все несчастия общественно-политического характера — от малоросльбы, как если бы в них заключался и был запечатлен какой-то особенно злой род. Мужчины из дома Романовых все были великаны и богатыри, за исключением Петра III, его сына Павла, последнего царя Николая II, и все они кончили плохо, потому что плохо себя вели. Босударь же Александр III Миротворец был человек-гора, и — уникальные случаи — в его царствование не произошло ни одной войны.

Что до преемников Романовых из большевиков, то Хрущев был почти карлик, Сталин немногим выше, Ленин, когда сидел, не всегда доставал ногами до пола, из этого феномена мы извлекаем такой урок: необходимо ввести дополнительный ценз для претендентов на высшую государственную должность — если кто ростом ниже метра семидесяти пяти сантиметров, такого на всякий случай от списков надо.

Что стого одно прозвасище великого князя Юрия Владимировича — Долгорукий, полученное им, скорее всего, за то, что он был большой ревнитель чужого добра, которое лежало не только плохо, но также и далеко.

«Бакуша — затовка, премьустественно из липы, для русской деревяной лопки.

Мы продолжаем публикацию цикла эссе известного писателя Вячеслава ПЕЦУХА (начало см. в №№ 35, 36).

Многие указывают на то, что в домонгольскую эпоху Россия развивалась по общевероепейскому образцу. Наши государи женились на принцессах из англо-саксонских и германских стран, взаимно отдавая своих дочек за латинствующих королей, литература обильно насытилась тут и там, законодотворчество процветало, бароны и удалые князья смирно отбывались от рук, дипломатические миссии сновали туда-сюда. И вдруг Россия словно пропала, точно она канула в азиатскую бездну, и как геополитический феномен была отпавила триста лет спустя странствующим рыцарем Поппелем, который входе Христофора Колумба, искавшего Индию, а найдяшего Америку, обнаружил Россию, тогда как искал Гримальди, что случилось с нашим драгоценным отечеством, почему оно вышло из семьи европейских народов — это большой вопрос.

То есть вопроса особого нет, потому что ответ на него ясен, как божий дар: с запада нас обогнали полки с Литвы и впереди с немцами, нарочито стрелами и тоником греко-ромского просвещения, а с востока нагрянули несметные монгольские орды, и Россия как суверенное европейское государство перестало существовать. До конца XV столетия наше отечество прозябало в качестве северо-восточной окраины улуса Джучи, водворившегося в степях в состав великой китайской империи, во главе с каном из монгольской династии Минь.

Любопытно, что китайцы тоже существовали в отдаленности от Арии и пережили их диких степняков, которые даже национальную письменности не имели, но тем не менее продолжали наглаголивать свою цивилизацию, настолько богатую и уточненную, что даже дошли до Китая, откуда и дошли до нас, и в итоге в Колумбу благословлять московские полки, уже собравшиеся в поход.

В действительности же дело было так: перешел Тимур русскую границу, увидел, какая тут кругом бедность и запустение, понял, что взять с наших лапотников нечего, и повернул назад. Давно минули те романтические времена, когда охотники, жившие в войлочных шкурах, имели в виду покорить землю «до пределов моря», построить волевыми империи, подчинить народы мира законом Великой Ясы, и эмир Тимур ничего не имел в виду, кроме банального грабежа; он и начинал, так как обыкновенный разбойник с большой дороги, обиравший путников и купцов.

С тех пор у нас так и повелось: так что нам покажется приятнее, негодности, удавшиеся вопреки логике, мы озвучиваем удачу на предпринятое славье и разные чудеса. Вот наказали мы немцев в Дароку Отечественную войну, даром, что в первые три недели они выжили весь личный состав Красной армии, и сразу в лич пошла-таки традиция, как в «чуждом Востоке», что в своем чудом-чудо, что мы христиане, а не дедзэн-буддисты с уклоном в коллективизм. Сначала русак занял у монголов «премудрого незанятого иноземцев», смешанного с азиатским чванством, так что немцев, известных христовопродавцев и еретиков, селили на Москве отдельно, за невзрачным забором, как заточенных, потом русак из культуры двести лет говорил и писал исключительно по-французски, точно у него отродья не было природного языка; затем русак из романтиков попытался привить на русской почве немецкое учение о диктатуре пролетариата, которое тогда так же соображалось с этой почвой, как банановое дерево с тверской суглинкой; наконец, в наглядном смысле, мы в свое время обратились в вассалство, а в наше последнее время сидят в тюрьме. И ладно если бы мы что-нибудь дельное перенимали у соседей на Западе и Востоке, например, презумпцию невиновности, а то все разные пакости мотавем себе на ус.

Вследствие нашего отчуждения вынужденного, а отчасти бестарданного обезьянства в России сложилась та разнородная тупо-чуждая обстановка, которую можно назвать «русским феодализмом», государством, которому трудно симпатизировать и который нельзя понять, во всяком случае, за своих нас Европа не признает. Главным образом, ее смущает наша неевропейская бедность при сказочном богатстве самой земли, монгольские ухватки во внутренней и внешней политике, запущенность городов и деревень, склонность к витанию в облаках.

А мы и вправду не европейцы, потому что в нашем понимании европеизм — это прежде всего культ изящного порядка и порядок, а его выдумали административно-сосильные в Вятскую губернию, которые, впрочем, сморкались посредством большого пальца всю жизнь — проходили в ялуде сапогах; потому что на самом деле европеизм — это пиления и материализм плюс та пошлость, она же простота, которая у нас считается хуже всякого воровства. Понятное дело, что, вернувшись в европейскую семью при Петре I в качестве бедных родственников, мы пришли резко не ю дощю, хотя бы только по той причине, что сморкались посредством большого пальца и норовили построить царствие Божие на земле. И действительно, мы до такой степени из-за своей первичности самобытны, что волно-ноленс приходили к выводу: русские не националь-

Уроки родной истории

Пособие для юношества, агностиков и вообще

Мы продолжаем публикацию цикла эссе известного писателя Вячеслава ПЕЦУХА (начало см. в №№ 35, 36).

В. Пещух

ность, а раса, Россия не государство, а континент.

Что, безусловно, природное, наше, так это пышество. Еще Владимир I Святой отказался принять ислам на том основании, что мусульманам выпивать нельзя, незадолго до Куликовской битвы русские воюка были наголову разгромлены (как нарочно, на реке Пльче) татарскими ханом Арапшю, потому что накануне перегились и не озоботились выставить караул; царь Иван III наказывал своему посылству в Польшу «плыть бережено», чтобы не причинить вреда его государству.

У нашей склонности к алкогнолю множество причин основательных и пустых, но в частности русский человек льгачество оттого, что европеизм самодурчества в нем, как в Паскале и Кромвеле вместе взятых, а существует он, как последний оборванец и сукин сын.

В конце восемнадцатого годов XIV столетия великий эмир Тимур Хромой, преследуя орду хана Тохтамыша, случайно вторгся в пределы России, случил порок Елец и двинулся было дальше, но вдруг повернул назад. Эту ретиреда была настолько неожиданный и вместе с тем необъяснимый, что спасение отечества от омерзочного разорения приписали иному Владимирской Божьей Матери, которую вознесли в Коломну благословлять московские полки, уже собравшиеся в поход.

В действительности же дело было так: перешел Тимур русскую границу, увидел, какая тут кругом бедность и запустение, понял, что взять с наших лапотников нечего, и повернул назад. Давно минули те романтические времена, когда охотники, жившие в войлочных шкурах, имели в виду покорить землю «до пределов моря», построить волевыми империи, подчинить народы мира законом Великой Ясы, и эмир Тимур ничего не имел в виду, кроме банального грабежа; он и начинал, так как обыкновенный разбойник с большой дороги, обиравший путников и купцов.

С тех пор у нас так и повелось: так что нам покажется приятнее, негодности, удавшиеся вопреки логике, мы озвучиваем удачу на предпринятое славье и разные чудеса. Вот наказали мы немцев в Дароку Отечественную войну, даром, что в первые три недели они выжили весь личный состав Красной армии, и сразу в лич пошла-таки традиция, как в «чуждом Востоке», что в своем чудом-чудо, что мы христиане, а не дедзэн-буддисты с уклоном в коллективизм. Сначала русак занял у монголов «премудрого незанятого иноземцев», смешанного с азиатским чванством, так что немцев, известных христовопродавцев и еретиков, селили на Москве отдельно, за невзрачным забором, как заточенных, потом русак из культуры двести лет говорил и писал исключительно по-французски, точно у него отродья не было природного языка; затем русак из романтиков попытался привить на русской почве немецкое учение о диктатуре пролетариата, которое тогда так же соображалось с этой почвой, как банановое дерево с тверской суглинкой; наконец, в наглядном смысле, мы в свое время обратились в вассалство, а в наше последнее время сидят в тюрьме. И ладно если бы мы что-нибудь дельное перенимали у соседей на Западе и Востоке, например, презумпцию невиновности, а то все разные пакости мотавем себе на ус.

Вследствие нашего отчуждения вынужденного, а отчасти бестарданного обезьянства в России сложилась та разнородная тупо-чуждая обстановка, которую можно назвать «русским феодализмом», государством, которому трудно симпатизировать и который нельзя понять, во всяком случае, за своих нас Европа не признает. Главным образом, ее смущает наша неевропейская бедность при сказочном богатстве самой земли, монгольские ухватки во внутренней и внешней политике, запущенность городов и деревень, склонность к витанию в облаках.

А мы и вправду не европейцы, потому что в нашем понимании европеизм — это прежде всего культ изящного порядка и порядок, а его выдумали административно-сосильные в Вятскую губернию, которые, впрочем, сморкались посредством большого пальца всю жизнь — проходили в ялуде сапогах; потому что на самом деле европеизм — это пиления и материализм плюс та пошлость, она же простота, которая у нас считается хуже всякого воровства. Понятное дело, что, вернувшись в европейскую семью при Петре I в качестве бедных родственников, мы пришли резко не ю дощю, хотя бы только по той причине, что сморкались посредством большого пальца и норовили построить царствие Божие на земле. И действительно, мы до такой степени из-за своей первичности самобытны, что волно-ноленс приходили к выводу: русские не националь-

«Этот государ был настолько мудр, что приятельствовал с теми, кого нельзя было быть (например, он стал приемным сыном хана Бабу), а кого можно было быть, например, шведов и немцев, — бил.

рвать Кремль, перемыв взял манеру подводить под экономику противника фальшивые миллионы, велел спилить крест с колокольни Иоанна Великого и очень был раздосадован, когда оказалось, что крест-то отлит из обыкновенного чугуна. Между тем французы гордятся Наполеоном, как евреи Библией, немцы — пунктуальностью, русские — Львом Толстым.

Так вот этот варвар, как впрочем, и вся Европа, искренне считал нас, русских, варварами, от которых следует ожидать любых неурядиц, культуры и памятников старины. Видимо, французы были сильно разочарованы, когда русские в 1814 году взяли Париж и ни одной Библией не сожгли, ни одной церковь не разобрали, и вообще кроме гусярской вышюки нашего поэта Давида Давыдова, который собственноручно выскел какого-то немецкого майора, за нами предостережительного не было замечено ничего. Так почему же мы — варвары, а они — только балуются бенедиктинизмом и устраивают массовые пикеты на площадях? Может быть, потому, что нас много, а много нас потому, что два раза на два отлетать покочина — топыш-то и всего.

Разве вот что следует взять в предмет: нужно блисти свой внешний вид, поскольку на Западе и встречают по одежке, и провозяют по одежке, а не как завсегда в нашей нации, — по уму. Мы же, то и нарочно, то незаметно по булавку Катюшиных башкирскую конницу в остроженческих шапках, отороченных мехом, с колчанами за спиной, и французские «делают», как без чувств, то среди офицеров Красной армии подает мода на предлинные кожаные козырьки к форменным фуражкам, и Берлин блещет от урюжской коммюнизма из обтянутых шиферами обмоток и предлинных кожаных козырьков. В остальном же (главным образом, по линии человечности) мы высокопросвещенная нация, потому что у нас каждый встрепенутый старик — отец, а каждая встречная старуха — мать, потому что случайный полупучик может такого о себе поросаждать, чего из него не выплывало и под пылу. Мы же, то и нарочно, то незаметно в Европе, который еще читает книжки и способен отвлеченно поговорить. Мы не добродушны — это правда, но откуда же нам было набраться добродушия, если еще удаётся лет назад русак легию мог вадить в места не столь отдаленные за резвительный анекдот?

Это нас по европеизму счету много, а по-настоящему нас мало, нас так катастрофически мало на ту пору везения, которую мы под себя поддели, что именно от безлюдности и наша бедность и все социально-экономические настроения, и газетный дирижабль, то, что империи имеют свойство малопоказуемо расширяться за счет колонизации сопредельных или, напротив, очень отдаленных территорий, — процесс, что называется объективный, то есть не зависящий от амбиций и воли отдельных лиц. Солнце светит, дождик идет, империи расширяются, и следовательно, все претензии колониальных империй — зем-он они расширяются, если дело неизбежно закончится распадом и метрополия останется при своих... Или исторический процесс точно сродни жизни человеческой, несокрушимо безомной в ответ на все наши вопросы, которая потому и представляется нам бессмысленной, причем бессмысленность ее простиривает до того, что мы вынуждены утонуться на этой формуле: жить — значит шастаться — сметьдесять лет наслаждаться феноменом личного бытия.

Тем не менее временами тревожит мысль: ну зачем нам покапобить разубавить за счет территориальных приобретений на западе и востоке, что мы потерпели Сибирские земли на Казаказе. Среднее Азии и прочая, если загода было ясно, что выгоды от этой экспансии гадательны, а разного рода неудобств потом будет не сосчитать. Ведь рынки сбыта и глобальные амбиции Великобритани — это теперь геополитические химеры, а наш стратегический мы расхлебываем поднос. Нас гибельно мало на необъятной территории Российского государства, и мы физически не в состоянии ее освоить и привести в надлежащий вид, почему у нас непревозможность и убогая производительность труда, почему годами паруют улья и у провинциальных городков такой вид, точно на прошлой неделе Мамай прошел? Потому что народу нет; простора на целую планету, а народонаселения сравнительно топ напалкак, по мочке уха на километр. Легко себе представить, в каком запустении прострала бы Швейцарская Конфедерация, если бы ее населяли полторы тысячи душ швейцарцев, а не столько, сколько нас, и все прочее, во всяком случае, относились к той категории деятелей, для которых жизнь человеческая — это плонуть и растереть.

Наполеон Бонапарт — фигура, слишком прикосновенная к родной истории, — был как раз из той категории деятелей, для которых жизнь человеческая — это плонуть и растереть. Вроде бы французский дворянин, хотя и темного итальянского происхождения, не совсем твердо выговаривавший по-французски, представитель просвещенной нации, соотечественник Мольера и наследник идей энциклопедистов, а на поверку администраторами, а все прочее, во всяком случае, относились к той категории деятелей, для которых жизнь человеческая — это плонуть и растереть.

Наполеон Бонапарт — фигура, слишком прикосновенная к родной истории, — был как раз из той категории деятелей, для которых жизнь человеческая — это плонуть и растереть. Вроде бы французский дворянин, хотя и темного итальянского происхождения, не совсем твердо выговаривавший по-французски, представитель просвещенной нации, соотечественник Мольера и наследник идей энциклопедистов, а на поверку администраторами, а все прочее, во всяком случае, относились к той категории деятелей, для которых жизнь человеческая — это плонуть и растереть.

Наполеон Бонапарт — фигура, слишком прикосновенная к родной истории, — был как раз из той категории деятелей, для которых жизнь человеческая — это плонуть и растереть. Вроде бы французский дворянин, хотя и темного итальянского происхождения, не совсем твердо выговаривавший по-французски, представитель просвещенной нации, соотечественник Мольера и наследник идей энциклопедистов, а на поверку администраторами, а все прочее, во всяком случае, относились к той категории деятелей, для которых жизнь человеческая — это плонуть и растереть.

«Этот государ был настолько мудр, что приятельствовал с теми, кого нельзя было быть (например, он стал приемным сыном хана Бабу), а кого можно было быть, например, шведов и немцев, — бил.